

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА (1941–1944 гг.)

Первые месяцы войны

Великую Отечественную войну, так же как и Первую мировую войну, Владимир Александрович встретил на даче, и первую весть об этом принесли приехавшие утром из города жители поселка.

ВАК: «Накануне, в субботу 21 июня, собралась Комиссия по “приемке объектов” (новых передающих и приемных радиостанций), в которую я входил. Договорились в понедельник, 23 июня, ехать на “место” принимать к эксплуатации новую передающую станцию, построенную к северу от Москвы (ж.д. станция Львовская).

Вечером, после работы, купил кое-какие продукты и поехал к маме с Шуриком на дачу, которую мы на лето снимали в Кратово под Москвой. Перевез я их туда в самом начале лета. Шурику как раз 6 июня исполнился годик.

На следующее утро, в воскресенье 22 июня, пошли слухи — “началась война”. Говорили об этом приехавшие из Москвы люди, которые шли от станции. Радиоприемника на даче у нас не было, и я поехал в Москву выяснять ситуацию. Действительно — Война! Стал звонить насчет “приемки”, а мне отвечают: “Да что Вы, Владимир Александрович! Какая там приемка!...” Обошлись без нее. Так линии и работали “не принятые” всю войну и долгие годы после.

А в понедельник отправился в МЭИ, поскольку по понедельникам я читал там лекции. В институте была паника, творилось что-то несусветное. Студенты, сбившись в кучки, возбужденно обсуждали вдруг обрушившиеся на всех страшные известия. В деканате царил полная неразбериха. Преподаватели носились туда-сюда... Всюду слышалось: “Дудкин!” — “Дудкин!” — “Где Дудкин?” — “Не видели Дудкина?” (Дудкин в то время был директором МЭИ). Все хотели получить от него какую-нибудь конкретную информацию, чтобы понять, “как жить дальше”. А Дудкин куда-то исчез. Скорее всего, его вызвали

в какую-нибудь “вышестоящую организацию”. Я спросил в деканате — будут ли занятия и читать ли мне лекции. “Ну что Вы, Владимир Александрович! Какие тут лекции! Сами не видите, что творится?” В коридоре меня обступили разгоряченные студенты и, перекрикивая друг друга, пытались хоть что-нибудь выяснить.

Занятия в институте еще какое-то время продолжались, но вот в один прекрасный день прихожу — студенты бродят по коридорам. Я их спрашиваю: “Ну, и что же, будет у нас лекция или нет?” — “А вон, — говорят, — в аудитории сидит директор, пойдите, спросите”. Я иду в аудиторию, там сидит директор, вокруг него толпится народ. Спрашиваю... Он машет руками: “Что Вы! Какая тут лекция, никаких лекций!” Ну, нет лекций так нет лекций, и больше я туда уже не ходил. Они потом куда-то эвакуировались, но это уже без меня». (МЭИ был эвакуирован в Казахстан.)

Преподавательская работа В.А. Котельникова в МЭИ была прервана на два с половиной года.

«Моя лаборатория в ЦНИИС продолжала работать. С началом войны нам пришлось прервать научно-исследовательскую работу и перейти к срочному проектированию образцов аппаратуры “закрытой радиотелефонии”. Аппаратура, над которой мы начали работать, была, конечно, попроще той, которой мы занимались до начала войны, но многое из тех наработок мы здесь использовали.

Однажды меня вызвали в военкомат. Когда я вошел в кабинет, там за столом сидел военный, я не запомнил, в каком он был чине. Он четко, по-деловому, спросил: “Ваша фамилия, имя, отчество, где работаете?” Получив ответ, он раскопал в куче папок мои документы, долго их изучал и затем, окинув меня испытующим взглядом, с подозрением спросил: “А почему рядовой?” Я в недоумении пожал плечами. Продолжая пристально меня разглядывать, он допытывался: “Вы же институт кончали. Так почему же все-таки рядовой?” “Не знаю, — говорю, — я как-то об этом не задумывался”. Обстановка накалялась: “У Вас там должна была быть военная подготовка. Вы ее проходили? В лагеря ездили?” Получив положительный ответ, он уставился, буквально пронизывая меня своим взглядом. И тут я сообразил — я же был в лагерях с другим, следующим курсом. Ведь после первого курса, когда все наши ребята поехали в лагеря, меня туда не взяли, поскольку я тогда еще не дорос до “кондиции”. И, наверное, когда после лагерей оформляли на всех документы, про меня просто забыли, потому что я не был в списках того курса. Когда я все это рассказал, он задумался, немного смягчился и говорит: “Что же делать? Ладно...” — махнул он рукой, и что-то там написал.

Потом, уже после войны, периодически меня вызывали в военкомат и, поздравляя, присуждали какое-то следующее воинское звание. А когда я уже состарился, меня в очередной раз вызвали в военкомат и, очень извиняясь, отправили в отставку. На этом и закончилась моя “служба в рядах Советской Армии”.

В середине лета ситуация на фронте сложилась угрожающая, немцы продвигались к Москве. Началась эвакуация населения города, а позже и предприятий.

Семьи большинства сотрудников лаборатории, в том числе и Нюсю с годовалым Шуриком, эвакуировали. Это произошло как раз в день первой бомбежки Москвы. Привез я их на вокзал, сели они в поезд. Пока шла посадка, началась воздушная тревога, поезд тронулся и укатил куда-то со станции... Тогда было

непонятно, что с ними произошло, остались ли они целы? Только потом узнали, что, к счастью, их поезд остался невредим и, когда кончилась бомбежка, отправился в Уфу.

Работали мы очень напряженно, почти круглосуточно. Чтобы не тратить время на обед, организовали питание прямо на месте. Этим по очереди занимались “дежурные”. В зависимости от возможностей и пожелания сотрудников были обеды на 3 рубля и на 5 рублей.

Иногда, по очереди, чтобы не прерывать работу, на ночь ходили домой. Обычно в ночь, когда я приходил на квартиру, в случае бомбардировок приходилось бежать не в бомбоубежище, как всем жильцам дома, а дежурить на чердаке и крыше. Немцы сбрасывали на город и тяжелые взрывные бомбы и зажигательные, которые жители прозвали “зажигалками”. Они были небольшие и не разрушали взрывом дом, а пробивали крышу и обычно застревали на чердаке или на верхних этажах, где и загорались. И тут-то надо было их хватать, такими большими щипцами, и тушить, засовывая в приготовленный специально для этого ящик с песком. А если не успевали, то тогда надо было тушить уже начавшийся пожар. С тушением “зажигалок” мы быстро освоились, а вот с тушением пожара первый раз, по неопытности, вышел казус. Когда загорелся чердак, один из дежурных побежал за пожарным шлангом, который лежал свернутый в положенном для него месте. Быстро подсоединили к пожарному крану, открыл воду и... шланг вздулся, зашевелился, как удав, стал разворачиваться, вода хлынула... Он схватил его, а дотащить не может — наполнившись водой, шланг стал тяжеленный. Тогда потащили все вместе. Пожар, слава Богу, затушить успели. Уже потом, наученные горьким опытом, мы действовали правильно — один хватал шланг и бежал к месту возгорания, а второй включал воду.

А однажды один из наших сотрудников, который вернулся утром из дома, говорит мне: “Сходите к себе домой, посмотрите, что там. На Сретенский бульвар, недалеко от Вашего дома, бомба упала. Там большущая воронка, а у углового дома стена рухнула...”. Вечером пошел. Смотрю — наш дом стоит, но окна все выбиты. Поднялся в квартиру — окно выбито, а стекло не видно. Дверки шкафов вырваны наружу, вещи сметены со стола... В первый момент даже не мог понять, что же это такое? Потом догадался — вблизи эпицентра взрыва сильное разряжение воздуха, поэтому-то оконные стекла и дверцы шкафов вырвало наружу.

В октябре 1941 г. противник вплотную приблизился к Москве. Началась срочная эвакуация предприятий, которые еще не выехали из города. Поступил приказ распустить ЦНИИС. Все сотрудники были уволены. Оставили почему-то только мою лабораторию. Тогда было непонятно, почему оставили именно нас».

О чем тогда не знал В.А. Котельников.

В самом начале войны Генеральный штаб Наркомата обороны направил в ЦНИИС директиву, подписанную Начальником Генштаба Г.К. Жуковым, в которой сообщалось, что в случае объявления мобилизации в связи с надвигающимися событиями сотрудники лаборатории В.А. Котельникова освобождаются от призыва в армию ввиду важности для обороны страны проводимой ими разработки.

ВАК: «Нам было приказано:

- получить деньги и расплатиться со всеми уволенными сотрудниками института;
- сжечь всю документацию, кроме самой важной;
- подготовить аппаратуру лаборатории к эвакуации;

• в случае прорыва немцев к Москве взорвать здание института и уходить (куда, правда, не сказали).

Мои ребята сходили в банк, принесли два мешка денег. Машин не было, так как все они уже были мобилизованы, поэтому тащились пешком с мешками на плечах без всякой охраны. Хорошо, что жулики не знали, что у них в мешках полно денег! Выплатили сотрудникам деньги, и потом все уволенные разбрелись кто куда. Что же касается моей лаборатории, то мы занимались тем, что паковали свою аппаратуру для эвакуации, сжигали документы, чтобы немцам не достались, оставляли только самые необходимые. Еще приходили к нам подрывники и давали инструкцию, как взорвать дом, в случае, если в город войдут немцы, чтобы им, как Наполеону, ничего не досталось. Куда потом надо “уходить”, было непонятно, но у нас на работе наготове стояли у печки новенькие лыжные ботинки, а в углу лыжи. (Убегать не пришлось, а подошвы ботинок рассыпались на кусочки — пересохли.)»

Первые три пункта Приказа были выполнены.

Взрывать институт и «убегать», к счастью, не пришлось. И 17 октября 1941 г. в трудовой книжке В.А. Котельникова была сделана запись: «Освобожден от работы в связи с предоставлением отпуска». И «отпуск» начался: в течение октября–ноября поэтапно проводилась эвакуация лаборатории в Уфу.

«Когда все упаковали, дали нам почтовый вагон, сделали меня его начальником, и мы стали грузить аппаратуру.

Почтовый вагон сделан так: там имеются два купе, теплый зал, где сортируют письма и еще холодная часть, где хранятся письма и посылки, которые на станциях выкидываются через имеющуюся там большую открывающуюся наружу дверь.

До войны и после я не раз ездил в почтовых вагонах и наблюдал, как работают почтовики. Они делают следующим образом: первые дни не спят, а круглые сутки сортируют почту в сортировочном зале. Поэтому, если ты с ними едешь, то в первые дни купе свободны, и можешь спать там сколько твоей душе угодно. От помощи почтовики все равно отказываются и сортировать письма никому не доверяют, так как посторонний человек может что-нибудь перепутать. На соответствующих станциях они сбрасывают уже подготовленные мешки с почтой.

Ехали мы около недели. В холодной части вагона разместили ящики с аппаратурой, в купе устроились две семьи, которые не успели уехать раньше со всеми, а в “сортировочном зале” — сотрудники лаборатории. Вся готовка, сушка детских вещей, пеленок — все в сортировочном отсеке. Уже было холодно и надо было топить вагон, тем более что там были дети. Естественно, никто ни топливом, ни водой, ни едой не обеспечивал. Как руководителю лаборатории и начальнику вагона приходилось думать о быте пассажиров: отоплении вагона, добывании воды, пищи. Пришлось организовать “добычу угля”. Попросту — красть его на станциях из куч, заготовленных для топки паровоза. Воду можно было добыть на станциях. Продукты покупали и выменивали на остановках».

Много позже один из сотрудников лаборатории, который ехал в эвакуацию, с изумлением и восхищением вспоминал, с каким спокойствием и четкостью был организован быт их лаборатории. И еще его поражало, как в таких «жутких» условиях — среди толкотни, детского плача, висящих пеленок, Владимир Александрович в свободную минутку пристраивался где-нибудь в уголке и спокойно работал — что-то рассчитывал.

Уфа. Эвакуация

Запись в Трудовой книжке:

12.12.1941 г. Откомандирован в Инст-т № 56

16.12.1941 г. Зачислен нач. лаборат. № 3 Инст. № 56

16.02.1942 г. Зач. Руковод. Спец. Группы 2 лаб. Инст. № 56

11.11.1942 г. Перевед. с должн. на должн. Начальника лаборатории

15.04.1943 г. Откомандирован в распоряж. ОПС НКВД СССР.

ВАК: «В Уфе нашу лабораторию “слили” с лабораторией ленинградского института — ГСПЭИ-56 (Государственный союзный производственный экспериментальный институт-56). Этот институт — часть, которую выделили из завода “Красная Заря”, одного из основных изготовителей связной аппаратуры в электропромышленности. (В названии института значилось, что он “Промышленный”, и в то время для сотрудников это имело очень большое значение, потому что в промышленности было гораздо лучшее обеспечение продовольственных карточек.) Институт был эвакуирован в г. Уфу раньше, а мы направились туда в конце октября–начале ноября (во всяком случае, Ноябрьские праздники встретили в дороге)».

О чем тогда не знал В.А. Котельников.

«Организация фронтовых сетей правительственной связи осложнялась тем, что в начале войны ОТБ НКВД не располагал портативной полевой аппаратурой для создания передвижных станций, необходимых для работы на фронтах и в армиях. В силу этого первые фронтовые ВЧ-станции базировались на стационарной аппаратуре, отличавшейся крайней громоздкостью (вес стойки 300 кг, высота 2,5 м) и не приспособленной к перевозкам. Исходя из этого необходимо было в кратчайшие сроки организовать разработку и серийное производство комплекса полевой аппаратуры для ВЧ-связи. Тем более, что минимальная потребность в аппаратуре связи для подразделений ОПС только на III квартал 1941 г. составляла около 200 полуккомплектов...

Одна из важнейших проблем технического характера была связана с созданием засекречивающей аппаратуры для радиоканалов. Известно, что ввиду трудностей с обеспечением бесперебойной проводной связи с фронтами ОПС НКВД с конца 1941 г. провел ряд мероприятий по организации радиотелефонной связи в звене Ставка–фронт (штабу каждого действующего фронта была придана автомобильная радиостанция, которая использовалась для служебной связи при повреждениях на проводных линиях). Поэтому на первый план выдвинулась задача разработки специального устройства, которое могло бы обеспечить конфиденциальность ведущихся по радиоканалам телефонных переговоров.

...Поэтому усилиями руководства НКВД осенью 1941 г. в Государственном союзном производственном экспериментальном институте (ГСПЭИ) № 56 НКЭП (г. Уфа) был собран большой коллектив специалистов, в том числе группы К.П. Егорова и Г.В. Старицына, переведенные в Уфу с ленинградского завода «Красная заря», а также группа В.А. Котельникова, переданная в распоряжение НКЭП из Наркомата связи.

Институт возглавил К.П. Егоров, в 1943 г. его сменил В.А. Котельников. Со стороны ОПС НКВД деятельность ГСПЭИ № 56 координировал инженер А.С. Колядов. Институт занялся разработкой и подготовкой к серийному производству целого ряда новых типов аппаратуры связи в портативном исполнении» [66].

«Основные ведомства, на которые в условиях военного времени возлагались задачи разработки и производства аппаратуры для правительственной связи, были определены постановлениями ГКО от 15.03 и 18.08 1942 г. Ими стали наркоматы электронной промышленности (НКЭП) и судостроительной промышленности (НКСП). Конкретные задачи

производства аппаратуры при этом возлагались на завод № 209 им. Кулакова НКСП (г. Ленинград, директор завода Терещенко) и специализированные заводы №№ 628, 629 и 697 НКЭП (г. Уфа). Так, в соответствии с постановлением ГКО от 18.08 1942 г., НКЭП был обязан, в частности, уже к февралю 1943 г. изготовить и поставить НКВД 95 единиц засекречивающей и каналобразующей аппаратуры, а НКСП в свою очередь — предоставить заводам НКЭП необходимое количество комплектующих» [66].

ВАК: «Руководителем Ленинградской лаборатории был К.П. Егоров. Он и возглавил сначала нашу объединенную лабораторию.

Впервые Егоров появился “на нашем горизонте” до войны. Он приезжал к нам в ЦНИИС, когда мы стали заниматься засекречиванием линии радиотелефонной связи. Тогда у него была окладистая борода, которая ему очень шла. Ну просто — красавец мужчина. А тут в первый момент я его даже не узнал. В начале войны его, верно, взяли в армию, и он вынужден был сбрить бороду. Лицо его совершенно изменилось. Оно стало обычным, не таким выразительным, как раньше, абсолютно не соответствующим его яркому характеру. Вообще, как потом выяснилось, он был замечательным человеком.

То, что в Ленинграде занимаются всякими секретными делами, мы до этого не знали. Оказалось, что до войны К.П. Егоров был старшим инженером Отдела дальней связи завода “Красная Заря”».

В 1937 г. Егоров вместе с инженером Старицыным создали аппаратуру засекречивания для проводной телефонии (ЕС-2), и они же вместе с инженером Ильинским — для радиотелефонии (ЕИС-3). Но это была аппаратура «маскирующего» типа, основанная на принципе простой инверсии спектра передаваемого сигнала. Эта аппаратура не защищала от специального перехвата, но обеспечивала невозможность «любительского» прослушивания.

В лаборатории Котельникова к началу войны была разработана самая совершенная на то время система защиты радиотелефонии — система шифрования мозаичного типа.

«В Уфе для работы ГСПИ № 56 выделили здание Сельскохозяйственного техникума, который располагался в самом городе. Там же развернули мастерские и производство. Там всю войну и проработала наша лаборатория.

Работать приходилось очень интенсивно и напряженно. Мы продолжали наши работы над аппаратурой “закрытой радиотелефонии”, которые были начаты в Москве. Но она сильно осложнялись тем, что по приказу значительная часть конструкторской документации была перед отъездом уничтожена. Большую часть из уже сделанного нами ранее приходилось восстанавливать по памяти.

Группа К.П. Егорова занималась аппаратурой другого типа».

Первый академик

«Там же, в Уфе, в нашей лаборатории я впервые увидел “живого академика”. Однажды приходит к нам в лабораторию человек и говорит, что он академик Украинской академии наук, из Харькова, и фамилия его — Лейпунский. И что вся их аппаратура лежит упакованная в ящиках, и делать он ничего не может, поэтому он хотел бы работать у меня в лаборатории. Лейпунских было двое — два брата, и оба академики: один — известный атомщик, а этот тоже атомщик, но как-то менее известный. Мне как-то стало неловко — как же я буду руководить академиком. Ну, я его спрашиваю: “А что же Вы будете

делать?” — “Что скажете, — говорит — дайте мне паяльник, и я Вам соберу схему, какую надо...” — “Хорошо”, — говорю, а мы тогда передвигали какие-то шкафы. Он тоже кинулся передвигать шкафы. Мне неудобно — все-таки академик, да и пожилой уже — похоже, лет 40. Я говорю: “Вы уж не утруждайте себя...” А он: “Ничего, у нас так принято”. Ну, принято так принято... Он только не долго у нас пробыл, так что схему собрать не успел. Тут началась атомная эпопея, и его вызвали в Москву. Может, правда, он был член-корреспондент, а мне от страха показалось — академик. Но это не важно. Я, конечно, был тогда удивлен, что он сам шкафы таскает, готов схемы паять... В нашем деле он, конечно, ничего не понимал, но человек был очень симпатичный».

Семья

ВАК: «Когда позволяла работа, на ночь и в выходные я ходил домой, к семье. Проблем было много: надо было думать и о пропитании, и об обогреве жилья — стояла суровая зима...»

ТРУДОДНИ

«Семьи сотрудников прибыли в Уфу раньше нас, как раз в уборочную пору, и их сразу определили работать в колхоз. Когда работа закончилась, они получили за работу трудодни. Только было непонятно, что с ними делать. “Отovarить” их было нельзя, и надежды, что когда-нибудь это будет возможно, практически не было. В колхозе эвакуированные были больше не нужны и их распустили. Мама со своей подружкой устроились работать на радиостанцию, в аппаратной, приблизительно в 15 км от Уфы. Как уж она управлялась с годовалым сыном да, к тому же, как оказалось, ожидая второго ребенка — трудно сказать. К сожалению, как-то об этом не вспоминали.

Когда они еще работали в колхозе, одной из эвакуированных женщин вдруг понадобилось срочно уехать. Денег у нее не было, где достать — непонятно. Пыталась занять, да кто даст в такое время — надежды на возврат долга никакой, да и лишних денег ни у кого не было. Она была в полном отчаянии. Маме было очень жаль ее, но как отдать последние деньги ведь: надо кормить ребенка, да и сама беременная. Все же решила помочь — ведь к ней должен приехать муж, а у той, видимо, беда. Дала ей “в долг”, понимая, что никогда больше этих денег не увидит. Женщина была настолько растрогана, что ей хотелось хоть как-то отблагодарить, но что она могла? И она отдала маме “в залог” свои трудодни, которые ей все равно были уже не нужны, хотя понимала, что это просто жест благодарности, так как получить на них было ничего нельзя.

Но... бывают, оказывается, сказки со счастливым концом. Весной узнали, что урожай в этот год был хороший, и когда колхоз выполнил все нормы сдачи зерна, то остатками стали отovarивать трудодни. Это было как дар Божий! Время было очень тяжелое, голодное. В семье к тому времени было уже двое детей — полуторагодовалый и грудной, несколько недель от роду. И, вдруг, такой подарок!!!

Когда я приехал, меня ожидал сюрприз — оказалось, что мама ждала ребенка. (“Плод их любви последних мирных дней”. Много позже, вспоминая эвакуацию, мама говорила мне: “Тебя Бог уберег! Непонятно — как ты выжила?”) К тому времени маму перевели работать в Уфу на телеграф в аппаратную. Она была “специалист по связи”. Жить она устроилась в старенькую “избушку

со старушкой”, которая стояла на окраине города, на берегу реки Уфимки, впадающей в реку Белую. И избушка, и старушка были очень дряхлые. Старушка, правда, присматривала за Шуриком, когда мама была на работе, за что мама как-то с ней расплачивалась. В стенах домика были огромные щели, протопить его было очень трудно, а дров у старушки не было, и достать их — проблема. На ночь поставишь ботинки под кровать, а к утру снег на них так и не стает. До работы мне было недалеко — около часа ходьбы пешком, поэтому, когда появлялась возможность, приходил ночевать домой — надо было помочь маме раздобыть дрова, протопить избушку. В выходные, если выдавалось свободное от работы время, брал санки и отправлялся добывать продукты и дрова — менять или покупать на рынке. Это была большая проблема — во-первых, их было очень трудно достать, и, кроме того, их в основном меняли на что-нибудь полезное, а у нас менять было нечего. А если удавалось купить, то цены были очень высокие. А с дровами — пойдешь с утра с санями на рынок, — нет дров. Ходишь, ходишь по городу... Иногда так ни с чем и возвращаешься. А как-то уже под вечер совершенно продрогший возвращался домой и вдруг встретил мужика с саночками, груженными дровами. Насилу уговорил его продать.

КАРТОШКА

Помню, вскоре после того как приехал, еще за картошкой пешком ходил. За городом, примерно в 20 километрах, была приемная радиостанции, на которой работала мамина подруга. В Москве она тоже в нашей лаборатории работала. И вот эта подруга сообщила, что у них, в ближайшем колхозе, можно купить по дешевке картошку. Мы договорились, что она для нас купит два мешка. И, как только выдалось свободное время, отправился я за этой картошкой. Вышел я с вечера в субботу. Пришел туда поздно, переночевал, а утром в воскресенье пришел я в этот колхоз и получил два мешка картошки. А дальше что с ними делать? Везти-то не на чем, а на себе не дотащишь. Вдруг вижу едет машина — грузовик, а в ней люди в связистской форме. У связистов была такая форма — черная с синими окантовочками. Шинелей не было, были только куртки шерстяные. У меня тоже такая. Я побежал, машу руками — “голосую”! Остановились. Оказалось — едут в Уфу. Я и прошу: “Подвезите до города”. А они: “Нет, нет, нет — не положено...” Стал уговаривать: “Ведь я же свой, связист, ну что я буду делать с этими мешками, я же их не дотащу..., а дома голодные жена, дети...” Наконец они сжалились, погрузили меня в кузов, там место было — ехали только люди. Так и подвезли меня до самой Уфы. А там я уж дотащился.

В середине марта 1942 года родилась Наташа. Проблем прибавилось. Привез я маму с дочкой в эту дырявую избушку. Холод, завернуть ребенка не во что. Как, думаем, она выживет? (С тех пор мама всю свою оставшуюся жизнь не могла выбросить ни одной тряпки.)

Начальник лаборатории К.П. Егоров был человек очень энергичный и быстрый на решения. В ближайший выходной вдруг открывается дверь нашей избушки и он командует с порога: “Собирайтесь, поехали”. Что, куда? Я никому ничего не говорил, ни о чем не просил... Никаких размышлений и рассуждений. Быстро сложили вещи, которых было очень мало, погрузили на санки, которые он со своими двумя сотрудниками притащил, укутали детей и отправились. Привезли нас на квартиру к одной из сотрудниц лаборатории (ленинградке), которая жила одна в большой комнате хорошего дома.

Быстро развернули шкафы, отгородив половину комнаты, и поселили там наше семейство, в относительном тепле и комфорте. Наверное, хозяйка комнаты была не в восторге от такого “уплотнения”, да к тому же такого шумного — галдящего и плачущего. Но что поделаешь — времена такие. Так и прожили там около недели. Поскольку Егоров был очень энергичный, он ухитрился за неделю выхлопотать для нас комнату в общежитии, организованном для сотрудников Института.

ОБЩЕЖИТИЕ

Под общежитие было выделено помещение тоже в Сельскохозяйственном техникуме, но в другом здании. Там был физкультурный зал, который разделили на множество каморок невысокими перегородками, чуть выше человеческого роста, так чтобы только нельзя было заглядывать. В спортивном зале была одна большущая круглая металлическая печь, которую, верно, топили в мирное время, чтобы обогревать зал. Во время войны ее, конечно, не топили, так как дров не напасешься — зал огромный, потолки очень высокие, а дрова добыть — проблема. Сотрудники отапливали свои “комнатки” буржуйками, которые недорого продавались на местном базаре.

Одну из таких “каморок” площадью 6–7 метров нам и выделили. В нее как раз и попала эта большущая печь и еще огромное окно, от которого веяло холодом. Окно мы старались утеплить всевозможными способами, но не очень-то это удавалось. По примеру остальных сотрудников мы тоже купили “буржуйку”. Трубу выпустили в форточку, в которую вставлялась фанера или доска, чтобы она держалась. Стенки у буржуйки и трубы тонкие, и она согревала, конечно, только теплом, которое излучается, а дальше все это улетало куда-то вверх — под высоченный потолок... Так что, пока она топится, от нее идет тепло, а как кончает топиться — температура сразу падает. Трубу постарались сделать как можно длиннее, чтобы она дольше проходила по комнате, при этом большая поверхность излучает. Если хорошо растопить, то часть трубы, которая ближе к печке, раскалялась докрасна. Конечно, это опасно с точки зрения пожара, но другого выхода не было. У форточки труба была уже не такая раскаленная, так что деревяшка не загоралась. Так и обогревались, готовили еду и сушили пеленки. Потом, правда, появился еще и примус для готовки.

Во дворе лежал какой-то большущий чурбан, от которого я по ночам откалывал щепки. Ими-то и топили печку.

В нашей каморке помещалась наша односпальная кровать, какое-то подобие кровати для Шурика и для новорожденной Наташи. Еще был сооружен стол.

С продуктами было очень тяжело. По карточкам давали очень мало: хлеб, немного крупы, иногда какое-нибудь масло, как правило, хлопковое — не прокормишься. Молоко для Шурика покупали на базаре. Зимой его продавали в виде “дисков”. Молоко, верно, наливали в тарелки, замораживали, а потом вынимали и складывали в мешок. Так и везли на рынок. На улице ведь мороз. Очень удобно.

Это общежитие выходило как раз на площадь, на которой был базар. Туда Нюся иногда ходила за продуктами.

Однажды на этом базаре потерялся Шурик. Ему было тогда примерно полтора годика. Нюся пошла с ним на рынок за молоком, и пока расплачивалась — Шурик исчез. Она туда-сюда... — нет Шурика. Она спрашивала людей, бегала, искала, кричала... Конечно, ужасно перепугалась, переживала... Никак

найти не могла. А там, на площади перед рынком, стояло множество каких-то станков. Их, видимо, недавно привезли, и пока еще не было понятно, куда их определить. Так и поставили рядами на площади. Нюся бегала и между этими станками. Прошло довольно много времени, она уже почти отчаялась его найти, как вдруг между станками промелькнуло что-то красненькое. Нюся помчалась туда и нашла Шурика. Оказалось, что он, как только Нюся отвернулась, расплачиваясь, отправился рассматривать технику и заблудился среди станков. Спасла красная шапочка, которая была надета на нем.

Так мы и прожили в этом общежитии до возвращения в Москву.

Нюся работала в городском узле связи в аппаратной. Ее подружка осталась работать на радиостанции.

А наша лаборатория находилась в другом корпусе техникума, который находился через 1–2 квартала от общежития.

СТОЛОВАЯ

В городе для “выдающихся” людей была столовая (“для знаменитых деятелей науки и культуры”). К таковым причислялись и кандидаты наук. Тогда их было мало, и они ценились. Вот тут-то мы с Нюсей с огромной благодарностью ежедневно вспоминал и Ленинградский электротехнический институт, перед войной присвоивший мне ученую степень кандидата наук (заочно).

В столовой можно было обедать по талонам, что получалось значительно дешевле, чем покупать такие же продукты на рынке, которые еще и не достанешь. К тому же продукты, что давали по карточкам, оставались для семьи. Обед, конечно, был соответствующий тому голодному времени — жиденький суп с какими-то листьями и небольшим количеством крупы, второе и кусок черного хлеба. По тем временам это было роскошно. Ту еду из моего обеда, которую можно было вынести, я брал домой для Нюси и Шурика. Иногда на обед давали немного водки. Если бы можно было вынести, то брал бы для того, чтобы менять на продукты для семьи, но, к сожалению, она была “в разлив”, так что приходилось пить, чтобы добро не пропадало.

«ОТОВАРИВАНИЕ» ТРУДОДНЕЙ

Вскоре после переезда в общежитие (март 1942 г.), прошел слух, что можно отоварить заработанные в колхозе трудовые. Пристроили Шурика и новорожденную Наташу к соседке под присмотр и отправились в колхоз договариваться, как можно отоварить Нюсины и доставшиеся от знакомой трудовые. Путь не близкий, километров тридцать, поэтому вышли очень рано, прихватив с собой на всякий случай полученную на карточки четвертинку водки в надежде, что на нее удастся что-нибудь выменять из съестного. В колхозе договорились, и отправились в обратный путь. На дворе стоял мороз около 30 градусов, сил на обратную дорогу уже меньше. К ночи, когда уже приближались к Уфе, продрогли, силы были на исходе, и решили тогда выпить для согрева четвертинку, которую не удалось реализовать. Я выпил — все нормально, а Нюся вдруг заявила, что у нее не идут ноги. Я ее уговариваю: “Как же, замерзнем мы тут, если не будем идти”. А она: “Не знаю, но идти я не могу, ноги не идут”. Что делать? Ну, тут уже начиналась Уфа — деревеньки, маленькие домишки. Тогда иду в один из домишек и прошу: “Продайте мне, пожалуйста, санки”.

— А зачем, почему? Нет, не можем, самим нужны.

Я и так уговаривал, и сак — никак не получается. Тогда решительно заявил:

— У меня там жена больная, я ее на морозе оставить не могу. Если не продадите, приведу ее сюда к вам в избу, а заберу, когда найду какой-нибудь транспорт.

Это подействовало. Они поторговались, поторговались, но решили, что лучше дать санки, чем приютить неизвестно чем больного человека. Из двух зол выбрали меньшее. Посадил я пьяную Нюсю на санки и поехали. Настроение у нее хорошее, согрелась, смеется, но ноги, говорит, не идут. Так весело и доехали до дома.

Санки в следующий выходной день пришлось отвезти хозяевам.

В какой-то из выходных дней, когда появился «просвет» в работе, я, раздобыв санки, еще затемно отправился отоваривать трудодни. Туда дошел без проблем за несколько часов. Хоть и был мороз, но когда быстро идешь — не страшно. Пока там провозились с оформлением, пока выдали зерно, два мешка — целое состояние по тем голодным временам, стало смеркаться. Обратно идти голодному, уже подуставшему, с груженными санками было труднее. Останавливаться и отдыхать нельзя — замерзнешь. Хоть и весна, но морозище под 30 градусов. Ну, сначала шел, и все было ничего. А потом истратил все силы. Едет навстречу лошадь, и не разминуться, надо санки стаскивать в сугроб, а они тяжелые, с двумя мешками, а потом втаскивать на дорогу. И так каждый раз. До Уфы дотащился, — уже ночь. А Уфа на горе стоит, и дорога идет в гору, причем довольно круто. Во всяком случае, так тогда казалось. И на эту гору у меня совсем сил не осталось. Скольжу, падаю, тащусь, едва перевожу дух. Тащил я, тащил эти сани в гору, уже выбиваясь из сил, добрался до середины и, вдруг, не выдержал, упал и... съехал вслед за санями вниз... Опять полез на гору, снова дотащился почти до середины и опять покатился вниз... И так повторялось несколько раз. Совсем выбился из сил. А делать нечего, помощи ждать неоткуда. Не сидеть же, замерзая, под горой. Да и санки с зерном не бросишь. Так что попытка за попыткой... И вдруг вдали показалась подвода, которая ехала в город. Когда она со мной поравнялась, стал просить мужика подвезти в гору. Тот — ни в какую, мол, лошадь и так устала, сани груженые... Насилу уговорил прицепить хоть мои санки, а сам пошел рядом. Ну, а когда взобрались в гору, там стало уже легче, более или менее ровное место. Поташился уже сам через весь город. Пока дотащился до дома, уже было за 2 часа ночи.

Это зерно было, конечно, спасением. Часть удалось смолотить, где-то на мельнице. Его использовали только для детей. А немолотое приходилось очень долго варить, и все равно оно как следует не разваривалось.

ОГОРОДЫ

Весной 1942 г. институту выделили под огороды участок земли. Он находился в окрестностях Уфы, за речкой Уфимкой. Сажали картошку. Сотрудники нескольких лабораторий работали там по выходным дням. На ночь приходилось по очереди дежурить, чтобы жулики картошку не выкопали. Это было очень важным делом — время было голодное, а картошка — основной продукт.

Осенью собрали урожай, и надо было его как-то вывозить.

Я уж не помню как, но мне как-то удалось договориться (по старому знакомству с Наркоматом связи), что нам дадут лошадь. У них на радиостанции была лошадь. Выдали мне лошадь, уже запряженную, с телегой. Я с лошадью имел дело. На Кавказе я верхом ездил, но так, чтобы с телегой, без всяких советчиков — первый раз. Ну, значит, “принял” я эту лошадь и поехал. От радиостанции

огород был недалеко. Лошадь слушалась, но она, очевидно, была очень старая и поэтому шла потихонечку, и никакие меры воздействия не могли ускорить ее шаг. Шла себе и шла, ни на что не обращая внимания. На огороде уже выкопали урожай, в мешки сложили, ждут. Наконец, мы приплелись. Навалили мне эти мешки в телегу, и мы поехали. Въехали в город, развезли картошку по домам, ведь не потащишь мешок на себе, и поехал я лошадь отвозить обратно. Уже была ночь. Приехал на радиостанцию, говорю: “Вот привел лошадь, что с ней делать?” — “А в-о-о-н там конюшня. Вы отведите ее, распрягите и пускай она ходит. Тут забором огорожено — никуда она не денется. Пускай гуляет”. Ладно, приехал к этому сараю и стал распрягать. И никак! Не распрягается — и все тут! Все увязано, завязано, заплетено, никаких там пряжек нет. Я и так и сяк, думаю, может она мне как-то подмигнет, намекнет... А она равнодушно стоит и, наверное, удивляется, что это я хочу с ней сделать. А я и так и сяк пробую оглоблю отцепить... Возился, возился — ничего у меня так и не вышло. Пошел на радиостанцию, говорю: “Не получилось у меня ничего, я ее не распряг”. — “Ну, — говорит, — оставьте так, распряжем потом”. На этом дело и кончилось — я “оставил так” и пошел домой. Пришел, конечно, очень поздно... Дом был не очень далеко — несколько километров.

А потом мне рассказали, что концы хомута у лошади стянуты ремешком и завязаны, для того чтобы хомут у нее на плечи ложился, а оглобли к нему до этого уже прикреплены. Она своими плечами этот хомут тянет. Голова у нее через него проходит, а туловище — нет. Таким образом она тянет через этот хомут, напирая на него своими плечами, где шея кончается. Так вот, значит, надо развязать эту штуку, тогда хомут расходится и тогда уже можно отвязать оглобли, они тоже ремешками привязаны. А я их развязать никак не мог, потому что когда стянут хомут, они как-то напрягаются, так как их заматывают заранее.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ КАРТОЧКИ

Как-то перед самым отъездом в командировку я получил продовольственные карточки на следующий месяц. Оставить дома их было уже некогда. Я положил их в карман и поехал. Когда вернулся и пришел домой, то оказалось, что карточек нет. По-видимому, их украли, когда я на вокзале получал багаж. Утрата карточек — это катастрофа! Около месяца мы с трудом перебивались почти без продуктов. Очень выручили сотрудники. Они понемногу подкармливали маму».

«Соболь-II»

Несмотря на все трудности в работе, уже к осени 1942 г. в лаборатории Котельникова были изготовлены несколько образцов аппаратуры секретной КВ-радиотелефонии под индексом «Соболь-II». Это была самая сложная из разрабатываемой в стране аппаратура засекречивания [71].

Первые образцы аппаратуры были сразу направлены для восстановления разрушенной во время боев под Сталинградом проводной связи Ставки Верховного Главнокомандования со штабом Закавказского фронта. В то время в армии, в основном, пользовались проводными линиями телефонной связи. В результате с помощью аппаратов «Соболь-II» удалось восстановить связь по радиоканалу. Эксплуатацию засекреченной линии радиосвязи Москва–Тбилиси

обеспечивали командированные туда сотрудники лаборатории Котельникова: Н.С. Нейман и Г.Г. Найденов — в Москве, а В.Н. Мелков, В.Б. Штейншлейгер и Е.А. Гаврилов — в Тбилиси. Эта радиосвязь была прекращена только после того, когда была построена новая линия проводной связи протяженностью 1315 км, проходившая по пустынному побережью Каспийского моря.

Специально созданной комиссией было установлено что аппаратура «Соболь-II» позволяет вести по радиоканалам **совершенно секретные** переговоры. Однако внедрение радиотелефонной правительственной связи на фронтах задерживалось ввиду невысокого уровня речевой разборчивости» [66].

В лаборатории Котельникова продолжалась дальнейшая работа над улучшением параметров аппаратуры.

«Вскоре, когда в Ленинграде стало получше, наладили “Дорогу жизни”, Егорова вернули туда. Уехал он вместе со своими ленинградцами, которых постепенно тоже стали отзывать из Уфы. После отъезда Егорова (11. 11. 1942) заведующим лабораторией назначили меня. В нашей лаборатории было человек 15».

Поездка в блокадный Ленинград

Сложные механические узлы для выпускаемой в Уфе аппаратуры засекречивания производились в осажденном Ленинграде на заводе № 209 им. Кулакова НКСП (директор завода Терещенко), причем как готовая аппаратура с комплектующими деталями, так и специалисты переправлялись через линию фронта самолетами.

ВАК: «Некоторые, более простые узлы разработанной нами аппаратуры, изготавливались в мастерских и на производстве тут, же в Уфе.

Для изготовления же сложных механических узлов засекречивания был определен завод им. Кулакова, который находился в блокадном Ленинграде. Для того чтобы наладить производство, надо было летать туда на самолете через линию фронта.

Ладожское озеро примыкает к Ленинграду своим западным берегом, северный и южный были захвачены немцами, нашей оставалась только восточная сторона. Отсюда через озеро и летали наши самолеты, а зимой по ночам по льду ходили машины. Немцы старались бомбить, поэтому в сопровождение давали истребители.

На заводе уже какое-то время работали наши сотрудники, и мне надо было лететь для окончательной наладки заказанных узлов аппаратуры и доставки уже готовой партии в Уфу.

Из Уфы в Москву я приехал на поезде. Дорога занимала приблизительно неделю. Поселился в своей квартире на Сретенском бульваре и должен был ждать, когда позвонят, что можно лететь. Погода была очень плохая, и ждать пришлось довольно долго. Наконец, позвонили и сказали, что погода летная, готовьтесь, сейчас пришем за вами машину. Машина пришла, приехал я на аэродром, там много народа, ящики с грузами, аппаратурой. Самолет — “Дуглас”. Это был грузовой самолет: корпус, как и у обычных самолетов, но он без внутренней обшивки, не утепленный, лавочки расположены по бокам вдоль стен. Вверху корпуса самолета сделано отверстие и там размещался стрелок с пулеметом.

Идет погрузка аппаратуры. Народ снует туда-сюда. И тут меня, вдруг, осе- нило: “В Москву ведь для въезда нужен пропуск. Наверное, и в Ленинград тоже

нужен?” Спрашиваю у начальства. “Да, — говорят, — надо. Мы как-то об этом не подумали. Но оформить его мы уже не успеем, а когда следующий самолет сможет вылететь — неизвестно. Кто знает, когда будет летная погода”. Что делать? Откладывать полет нельзя — аппаратура нужна для фронта срочно. Значит — надо лететь! Так и полетел без пропуска. До Ладоги летели без всякого сопровождения. Там, где местность была лесистая, самолет летел вдоль специально сделанной широкой вырубki таким образом, чтобы верхушки деревьев, которые росли справа и слева, были выше него, так что закрывали линию горизонта. Таким образом, на фоне неба самолет не видно, а на фоне земли его увидеть тоже было невозможно — земля пестрая и самолет тоже пестрый. Конечно, рискованно лететь так низко, но вероятность быть сбитым немцами была выше. Хоть территория и была наша, но немецкие самолеты залетали в эти районы. На открытых местах наш стрелок неоднократно открывал огонь. Так летели до аэродрома, который был по “эту сторону” Ладоги. Там приземлились и очень долго ждали, когда будут готовы истребители сопровождения для перелета через Ладогу. Без прикрытия истребителей лететь категорически запрещалось. Как раз перед нами должна была лететь делегация каких-то генералов, которые решили, что им некогда ждать сопровождения и, поскольку сами начальники, скомандовали: “Полетим так”. И были сбиты. Когда истребители были готовы, — поднялись и перелетели. Во время полета была перестрелка. Немцы обстреливали наш самолет, стрелок отстреливался.

Что там происходило, нам не было видно, но, главное, мы долетели благополучно.

Когда приземлились, все стали выходить и предъявлять пропуска. Подошла моя очередь, я объясняю, мол, так и так... “Что ж, — говорят, — пройдемте в комендатуру, там и разберемся”. Задержали еще какую-то женщину, у нее тоже с документами был какой-то беспорядок. Привели нас в какую-то избу, женщину, как женщину, пустили вперед, а меня оставили во дворе под присмотром какого-то часового. Стал ждать. Хожу, хожу по двору, продрог. Весь день на морозе с раннего утра. На улице за 20 градусов. Вылетели утром где-то около четырех или пяти часов утра, ждали на аэродроме, потом — самолет, в котором холодно, как на улице, т.к. он не отапливался и без утепления, потом — следующий аэродром, опять долгое ожидание на улице, короткий перелет и... опять ожидание, теперь уже во дворе комендатуры. А одежонка, конечно, плохонькая, ботинки обыкновенные, не утепленные, куртка. Уже стемнело. Попросил часового узнать, может, забыли про меня. Ушел, через некоторое время приходит и говорит: “Велели ждать, не забыли”. Опять хожу больше часа, опять прошу узнать, но на этот раз часовой наотрез отказался, видимо ему попало, что он оставил меня одного и “полез” к начальству без какого-либо веского на то основания. Наконец меня вызвали. Извинились, что долго пришлось ждать. Оказалось, что у женщины, которую забрали вместе со мной, были поддельные документы — переклеенная фотография на чужой пропуск. Стали разбираться со мной. Я объяснил, что еду в командировку, назвал завод, куда командирован, показал командировочное удостоверение, подписанное министром Калмыковым, рассказал, что получилось с пропуском. После некоторого обсуждения и размышления решили меня отпустить. Написали на командировочном удостоверении: “Задержан как прибывший без пропуска” и говорят: “Нате, езжайте”. Я им говорю, что меня первый же патруль заберет с таким документом, тем более что уже темно, ночь, около 11 часов. С 23-х часов наступает комендантский час и по городу ходить без специального пропуска не разрешается.

— Мы позвоним на пропускной пункт, чтобы Вас не задерживали.

Я говорю, что пропускных пунктов много, на все не позвонят.

— Ну, говорят, не знаем, больше ничего придумать не можем, езжайте так.

Делать нечего, взял документы и пошел. Сказали, что здесь неподалеку трамвайная остановка, садитесь на трамвай и езжайте в город. Выхожу на улицу, темно, у меня рюкзак, куда ехать, не знаю. Ну, думаю, сейчас меня заберет патруль какой-нибудь, потому что вид у меня подозрительный, куда ехать не знаю: Ленинград я знаю плохо, а плана у меня никакого нет, и где эта улица, на которой находится завод — представления не имею... Но, как ни странно, когда я спросил какого-то прохожего, тот объяснил мне, как доехать до нужной мне улицы, несмотря на такой мой вид среди ночного блокадного Ленинграда. Наконец, я нашел эту улицу. Светит луна, мороз, снег хрустит под ногами, и на улице — никого. Спросить некого. Номеров на домах нет, — все снято, чтобы шпионы не могли сориентироваться, где находятся секретные предприятия. Осмотрелся я — улица небольшая. Тогда решил: “Пройду-ка я ее всю и буду смотреть, какая дверь самая подозрительная, в ту и буду стучаться”. Потом смотрю, — идет какой-то человек. Решил у него спросить. Говорю:

— Где здесь такой-то завод?

— А Вам, — говорит, — зачем?

— Да вот, я приехал в командировку.

— А как ваша фамилия?

— Котельников.

— Куда же вы пропали? — всплеснул он руками. — Мы за вами на аэродром машину посылали, но вас там не нашли.

Оказалось, что этот человек был из дирекции. Тут же надо мной взяли шефство. Первым делом выдали кусок мыла и отправили в котельную, где я принял горячий душ. Это было самое большое наслаждение, которое можно было получить после такого долгого путешествия на морозе. Потом накормили какими-то остатками в столовой и поселили в общежитии.

Проработал я там недели две или месяц. Налаживали изготовленную на заводе аппаратуру, которую мы разработали.

В городе была стрельба, артобстрелы, объявляли тревогу. Народ уже привык, и когда объявлялась тревога, то в бомбоубежище не бежали. Там было так — работал “метроном”, который ритмично тикал. Если он тикает редко, то — “все спокойно”, если начиналось частое тиканье, — значит, начался “налет”.

С нашей аппаратурой работали ребята из моей лаборатории, а из местных — в основном, ремесленники. Сотрудников завода было несколько человек. Большая часть взрослого населения была на фронте.

С продуктами тогда уже стало лучше. К тому времени уже наладили “Дорогу жизни” через Ладогу и народу там стало меньше, потому, что началась эвакуация, многих удалось уже переправить на “большую землю”. Стали подвозить продукты. Предприятие, на котором я был, — оборонное, так, что с обеспечением было неплохо. Суп был из каких-то лопухов, соевое молоко, хлеб.

Возвращался уже вместе с несколькими нашими сотрудниками, везли изготовленную на заводе и отлаженную аппаратуру. Опять на самолете в сопровождении истребителей через Ладогу... Опять была стрельба... Когда приземлились уже на другом берегу, летчик заявил, что самолет сильно поврежден, дальше лететь нельзя — надо чинить. Ну, уж тут ничего не поделаешь. Ждали день — никак

отремонтировать не удавалось, прождали еще день. Чинить самолет было трудно. Работать можно только днем, когда светло. Время было зимнее, дни короткие, а костры разводить нельзя: тут же немцы налетят. Военных кормили — они на довольствии, у них “аттестаты”, а мы — “неучтенные”. Гражданским выдавали продовольственные карточки, которые здесь не действовали. Приходилось договариваться, чтобы нас кормили хоть какими-нибудь остатками, ведь еды достать негде. С ремонтом самолета никак справиться не могли, а наша аппаратура необходима фронту! Решили ехать на поезде — хоть и медленно, но в итоге получится быстрее. Довезли нас до ближайшей станции и военные договорились, чтобы нам выделили место в теплушке ближайшего проходящего поезда. Из-за бомбежек ехали до Москвы 2 или 3 дня.

В Москве я заехал домой, взял теплые вещи для семьи...

Наш сосед Миша Симачев (военный связист) был в Москве, а его семья была где-то в эвакуации. Дома он бывал очень редко — было много работы.

Когда вернулись в Уфу, то срочно приступили к сборке аппаратуры, чтобы скорее сдать ее в эксплуатацию».

К началу 1943 г. было налажено производство серии усовершенствованной аппаратуры “Соболь-II”, и она уже использовалась в действующей армии для связи Ставки Верховного Главнокомандования с фронтами, что спасло многие жизни советских солдат и явилось огромным вкладом в дело Победы. В то время это была самая совершенная аппаратура закрытой радиотелефонии, практически не поддававшаяся “вскрытию”.

За эту работу в марте 1943 г. коллектив лаборатории был отмечен высокими наградами — Сталинскими премиями 1-й степени (Государственными премиями). Деньги были переданы «на нужды фронта». На премию В.А. Котельникова был построен танк.

(Тогда же, в марте 1943 г., за свои работы был награжден Сталинской премией 2-й степени Александр Петрович Котельников — отец В.А. Котельникова.)

А через много лет, в 1998 году, когда праздновалось 90-летие со дня рождения академика В.А. Котельникова, по одному из каналов телевидения (REN TV) демонстрировался фильм, посвященный его работам в области «закрытой связи». В фильме упоминалось, что, по сведениям советской разведки, как только у русских появилась на фронтах аппаратура стойкого шифрования и перехваченные сообщения, зашифрованные с ее помощью, расшифровать невозможно, об этом сразу доложили Гитлеру. На что он заявил, что за одного такого советского шифровальщика не пожалел бы и трех отборных дивизий.

Именно аппараты «Соболь-II» использовались для связи Ставки Верховного Главнокомандования (Москва) с нашей делегацией во время подписания капитуляции Германии в мае 1945.

Они также продолжительное время работали на связи Москвы с Хельсинки, Парижем и Веной в период проведения переговоров по заключению мирных договоров после окончания Второй мировой войны. А также использовались для связи со штабами групп Советских войск за границей.

В книге К.Ф. Калачева «В круге третьем» [71] дается следующая оценка стойкости против рассекречивания аппаратов «Соболь-II»:

«Что же можно сказать о переговорах, засекреченных этой аппаратурой: дешифровались они в ходе войны или нет?

На этот вопрос надо дать отрицательный ответ — нет.

Во-первых, спецслужбой таких фактов не зафиксировано. Во-вторых, как объяснили немецкие специалисты, дешифровальная группа доктора Лотце в Германии состояла из нескольких человек и имела целью давать оценки стойкости только разрабатываемой в этой стране аппаратуры. В-третьих, уже в первые послевоенные годы на связи Париж–Москва передачи с аппаратурой «Соболь-II» забивались помехой, а не перехватывались.

Германия же к концу войны не имела аппаратов засекречивания, которые были бы устойчивы против дешифрования. Специалисты фирм, занимавшихся разработкой такой аппаратуры, высказали определенное мнение о том, что они не могут предложить новые методы шифрования, обеспечивающие высокую стойкость засекречивания, в связи с резким ухудшением качества при попытках усложнения аппаратуры. Для увеличения стойкости требуется существенное увеличение частот канала связи.

Имеются данные, что в США и Англии в период войны использовалась пятиполосная аппаратура засекречивания с инвертированием спектра в отдельных полосах. Перестановка полос осуществлялась через продолжительное время, поэтому стойкость такой системы была весьма низкой».

По данным нашей разведки, с февраля 1943 года Служба разведки каналов связи США (СРКС) начала «разработку» советских дипломатических шифров. Аналитики службы приступили к реализации специальной криптоаналитической операции под кодовым названием «Венона» (ее первоначальное название было «Брайд»). Однако до 1946 года все их попытки дешифровать зашифрованные сообщения советских спецслужб были безуспешны. [Palmer Norman, Allen Tomas Spy Encyclopedia, N.Y., 1997. Данные взяты из книги Палмер Норманн, Аллен Томас Б. Энциклопедия шпионажа, Москва, Кон-пресс 1999. С. 145–149.]

В этот же период времени американский ученый Клод Шеннон (C.E. Shannon) занимался вопросами теоретической стойкости шифров и 1 сентября 1946 г. он представил закрытый отчет «A Mathematical Theory of Cryptography» («Математическая теория криптографии»). После окончания войны данный доклад был рассекречен и опубликован в виде статьи «Communication Theory of Secrecy Systems» («Теория защищенной связи»). [Bell System Technical Journal в 1949 г.]. Эта работа привела в дальнейшем к тому, что Шеннон был назначен консультантом правительства США по вопросам криптографии [72].

В 1941–1942 гг. Клоду Шеннону было предложено поработать на оборону в отделении математики Лабораторий Белла. Проработал он там 15 лет в очень хорошем окружении — в это время там работали многие первоклассные математики.

Возвращение в Москву

ВАК: «Весной (15.04.) 1943 года нашу лабораторию отозвали в Москву. Мы были уверены, что возвращаемся в ЦНИИС, и при оформлении трудовой книжки в отделе кадров я так и сказал: “Откомандирован в распоряжение ЦНИИС”, но потом пришлось исправлять на “ОПС НКВД СССР”. Оказалось, что нашу лабораторию передали в ведение НКВД.

Для въезда в Москву всем оформили пропуска. Тогда это было обязательно. Однако с пропуском для мамы и Шурика с Наташей выходила задержка. Видимо там не сходилось по документам — выезжало двое, а возвращается — трое,

в их бумагах не зафиксирована “вновь приобретенная” годовалая Наташа. Ждать вся лаборатория не могла, поэтому руководитель отдела, человек военный (это был очень хороший человек — инженер А.С. Колядов), принял решение везти маму с детьми “контрабандой”. Для переезда лаборатории выделили товарный вагон. Ящики с аппаратурой загрузили таким образом, чтобы за ними можно было спрятать маму с Шуриком и Наташей. Там же сушились пленки, готовилась на спиртовке каша. Больше всего боялись, что Наташа может запищать и обнаружить себя. С Шуриком было проще — он постарше (около 3 лет), с ним можно было как-то договориться, а Наташе было всего около годика. Конечно, помогало то, что было “прикрытие” военных (НКВД), которые никого не пускали в вагон. Однако заплачь Наташа в присутствии патруля, который был обязан тотчас докладывать обо всех непорядках своему начальству, ситуацию спасти было бы очень трудно. К счастью, Наташа была очень спокойным ребенком, и все обошлось благополучно. Ехали почти две недели. Часть еды — картошку, соленые огурцы — покупали на станциях. Воду и кипяток тоже доставали на станциях».

В сохранившихся архивах В.А. Котельникова есть запись: «29.IV.43 г. 320 943 вагон из Уфы. С Нюсей я выехал из Уфы 6.IV.43 г. — приехал 19.IV.43 г.».

«В Москву вагон с “контрабандой” не въезжал, его отцепили где-то не доезжая, на товарной станции под Москвой. Ящики выгрузили и стали поджидать грузовик. Мы с сотрудниками пошли выяснять насчет грузовика, оставив одного лаборанта присматривать за вещами — оборудованием и чемоданами. Когда вернулся, оказалось, что пропал мой чемодан. В нем ничего ценного не было, кроме буханки хлеба, которую попросил туда положить этот горе сторож — лаборант (техник). Когда его спрашивали, как это произошло, он только руками разводил. Он очень расстроился, и все пытался получить какую-нибудь компенсацию за утрату, что вызвало всеобщее возмущение — ведь сам виноват. Хорошо еще не пропало что-нибудь из секретного оборудования.

Позже возникла легенда, будто тогда пропала рукопись моей докторской диссертации. О какой диссертации тогда могла идти речь? Это во время войны-то, когда работали над срочными заказами!

Когда, наконец, подъехал грузовик, то погрузили на него аппаратуру и Нюсю с детьми, и таким образом 19 апреля 1943 года “контрабанду” ввезли в Москву. Семью доставили прямо домой, по адресу: Сретенский бульвар, дом 5, квартира 14».

Снова дома

Весна 1943 года. Линия фронта уже отодвинулась далеко от Москвы, и ожесточенные бои шли в сотнях километров от города. Еще только летом — в июле–августе, состоится решающая Курская битва, после которой, как напишут потом историки, «началось общее стратегическое наступление Советской Армии на фронте от Великих Лук до Черного моря...» А тогда все это было еще впереди, предстояли долгие два года войны.

ВАК: «За время, когда наши комнаты пустовали, кое-что пропало, но ничего существенного. Брать-то было особенно нечего, — жили очень скромно. Жалко было только фотоувеличитель. Наш дом был ведомственный, он принадлежал Наркомату связи, и нашу пустующую квартиру, как, наверное, и другие,

использовали для поселения там приезжих-связистов. Ключ, по-видимому, был в домоуправлении.

В период эвакуации в квартире я был только несколько раз, когда приезжал в командировку».

Александр Петрович Котельников оставался в Москве. В самом начале войны, когда сыновья с семьями разъехались в эвакуацию, Александр Петрович юридически оформил свои отношения со старой знакомой, Розановой Ниной Владимировной — они расписались. И все это тяжелое время они прожили в трехкомнатной квартире на Б. Пироговской улице. Эту квартиру Александр Петрович получил на себя и семью сына в конце 1940 года, когда Севка женился и молодые ждали ребенка. Как стало известно из рассказов Тани (Татьяны Александровны Котельниковой-Цыплухиной), про отношения отца и Нины Владимировны знала только она, мальчишкам было не до этого.

Вскоре из эвакуации, из Казани, вернулся и Севка с семьей — с женой Аллой и двухгодовалой дочерью Ириной (1941 г. рождения).

Таня со своей семьей — мужем и двумя детьми (сыном Борисом, 1934 г. рождения, и Лялей (Еленой), 1938 г. рождения) оставалась в Пушкино. Ее муж был на инвалидности и в армию призван не был.

Соседи — Миша Симачев, его мама Александра Яковлевна, жена Тася и двое детей — старшая дочь Лиля, наверное, лет 6-ти, и сын Юра около четырех, тоже уже все были в сборе. Вскоре у них родилась еще дочь — Ляля, которая на год или два была младше нашей Наташи.

В Москве царил разуха, жизнь была полуголодная, а у кого голодная. Продукты выдавали по карточкам. На рынке цены были бешеные. В некоторых домах воды вообще не было, а в других подавалась с постоянными перебоями, готовили на керосинках, мылись в бане... Но все же понемногу, понемногу жизнь стала налаживаться. По военным сводкам, за которыми все ежедневно следили с напряжением, сообщалось об успехах на фронте, о продвижении наших войск на запад. Уже от одного этого становилось намного легче. К тому же на дворе была весна, стало тепло, и отпала хотя бы на время проблема борьбы с холодом.

А главное — уже были дома!

Нюся налаживала хозяйство. Обустраивала быт. Она утверждала, что создать уют можно в любых условиях. Обладая хорошим вкусом, изобретательностью, смелостью и решительностью, она всякое старье умела превращать в красивые вещи. Мебель она обновляла, подкрашивая марганцовкой, какой-то краской для ткани или еще чем-то. Лихо с помощью пилы подравнивала ножки у «хромой» тумбочки. Старое покрывало преобразовывала в «роскошную» скатерть, заштопав, подрезав и подшив его и т.д. Были проблемы с детской одеждой, — и она шила для Шурика и Таточки на своей машинке «Зингер», выкраивая из еще целых частей старой, изношенной одежды. Беда, правда, была в том, что и старых-то вещей почти не было, не говоря уже о новых. Поэтому в ход шло все, что хоть как-то можно было использовать.

Отношения с соседями были очень хорошие.

Первое время Нюся не работала — не с кем было оставить детей. От голодной и холодной жизни в Уфе они были очень слабенькие, все время болели.

Весной 1944 года случилось большое горе — 6 марта, на 79 году жизни от воспаления легких скончался Александр Петрович Котельников. Для Владимира, Севы и Тани это была невосполнимая утрата, они потеряли самого дорогого

и близкого человека. Он для них был замечательным отцом, заботливой матерью и мудрым, надежным и верным другом.

Очень беспокоило здоровье детей, они никак не могли поправиться. Нюся консультировалась с разными врачами, и окончательный диагноз был очень неутешительный — закрытая форма туберкулеза легких. Главным в лечении были хорошее полноценное питание и свежий воздух. А где их взять?

И опять выручал огород. Владимир Александрович как-то договорился, чтобы ему выделили участок земли под картошку и другие овощи. По-видимому, для этих целей выделяли участки от предприятий, как это было в Уфе, а до этого в Киеве, в гражданскую войну и сразу после нее. С весны и до осени в выходной, а иногда после работы, он ездил на участок — копал, сажал, поливал, обрабатывал, полел, а когда наступала его очередь, сторожил по ночам.

С лета 1944 года стали снимать дачу, чтобы вывозить детей на природу. Снимали опять в Кратово, у того же хозяина, что и до войны. В том же поселке на лето обосновывался и Севка со своей семьей, чтобы не «мотаться» каждый день из Москвы на работу. Работал он сначала в ЦАГИ, а потом в ЛИИ (Летном испытательном институте), который находился неподалеку, в Жуковском. Когда снимали дачу, то Владимир Александрович с хозяином дачи, либо с местными властями договаривался и о земле под огород где-нибудь в окрестностях поселка, чтобы можно было им заниматься, когда приезжал к семье.

В архивах Владимира Александровича найдена склеенная из отдельных листочков тетрадь с «Записками» периода 2-й квартал 1943 г.–2-й квартал 1945 г. Среди рабочих записей — расчетов, работы с литературой, ..., встречаются сделанные мимоходом заметки. Вот некоторые из них:

«16.VI.44 г.

Приехали на дачу 29.V. Суббота.

Сажали 1-ую редиску, морковь. 21.V.

Картошку основную 28.V.

Дополнительную на ближнем участке 29.V.

Дополнительную у реки 4.VI.

Петрушка, лук в 1-х числах VI.

Картошка начала всходить 16.VI.

Помидоры посажены 14–15.

13–14 — огурцы».

Дальше идет работа с научной литературой.

«19.9.44 г.

а) Вырыли картошку 10.9.44 г.

урожай 6 мешков с 200 м² (400 гр. с куста).

Переехали из Кратово 14.9.44 г.

б) 17.9.44 взвешивались в бане

Я — 60,5 кг.

Шурик — 16 кг.

в) В ГНБ имеются библиографии по следующим вопросам (дал Н.Н. Васильев)

...

г) Передал Чиликину заявление Брауде ...»

«15.I.45 г.

Мой вес 61 кг. в голом виде».

Рост В.А. Котельникова тогда был 180 см.

Лаборатория Котельникова в НКВД, в ОПС ГКО. Возвращение в МЭИ

Весной 1943 г. Лаборатория В.А. Котельникова была отозвана из Уфы в Москву.

Еще в Уфе она была переведена в распоряжение Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР. Через какое-то время после возвращения распоряжением Государственного комитета обороны лаборатория была передана в отдел правительственной связи (ОПС). После краткого пребывания в ОПС в августе 1943 г. последовала новая передача в 4-й СО НКВД — в лабораторию специальной техники (ЛСТ), которой руководил Александр Львович Минц. Так лабораторию передавали из ведомства в ведомство, в результате чего серьезно работать было трудно. К тому же, как он вспоминал много лет спустя, в 2001 году, когда просматривал подаренную ему книгу «Правительственная связь в истории России»: «Один из военных начальников тогда почему-то относился ко мне с очень большим подозрением». Возможно, его смущало дворянское происхождение, беспартийность и репрессированный в предвоенные годы тесть Котельникова? Словом, Владимир Александрович в такой обстановке чувствовал себя, как он выразился, «неуютно».

Летом или осенью 1943 года Котельникова разыскала В.А. Голубцова, новый директор МЭИ. Война еще продолжалась, но страна уже приступила к восстановлению разрушенного войной народного хозяйства. Начал активно восстанавливаться и МЭИ — стране требовались специалисты. Рассказав о проблемах института и перспективах его развития она предложила Котельникову вернуться в МЭИ, заметив, что в случае его согласия она сможет устроить перевод. «Что ж, мне так всю жизнь и заниматься только одной секретной телефонией?» — рассудил Владимир Александрович и с готовностью согласился. К тому же он предпочитал заниматься наукой в гражданском учреждении, тем более в родном институте. В.А. Голубцова была женой первого секретаря ВКП(б) Г.М. Маленкова. По-видимому, только благодаря этому и удалось Владимиру Александровичу, будучи руководителем секретной тематики, перейти из системы НКВД в гражданское учебное заведение — МЭИ. В качестве примера того, насколько сложно было осуществить такой переход, можно привести ситуацию, сложившуюся у одного из молодых сотрудников Владимира Александровича. В.Б. Штейншлейгер, работавший в лаборатории Котельникова до войны в ЦНИИС НКС, потом в Уфе и, наконец, опять в Москве, но теперь уже в НКВД, после ухода Котельникова в МЭИ обратился к руководству с просьбой перевести его в аспирантуру МЭИ, в которой он был до войны. На что получил отказ. Когда он стал настаивать, ему был предложен выбор: либо оставаться и продолжать работать, либо отправляться на фронт. Он выбрал второе.

Приказ о переводе в МЭИ на должность зав. кафедрой «Основы радиотехники», которую еще предстояло воссоздать на радиотехническом факультете (РТФ), был подписан 1 ноября 1944 г., и Котельников официально приступил к работе в МЭИ.

Одновременно Владимир Александрович продолжал работу в своей бывшей лаборатории, но уже в качестве консультанта по основным проблемам секретной телефонии. Кроме того, он был консультантом в ЦНИИС НКС.